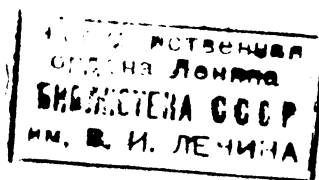

А. Введенский

U 391
U 3501

95

ОБЩИЙ СМЫСЛЪ ФИЛОСОФИИ

Н. Н. СТРАХОВА.

Статья 3

Статья третья.

I.

До конца дней своих Н. Н. Страховъ напряженно работалъ мыслью и очень печалился что не можетъ уже болѣе, съ былою энергіей, работать перомъ. Въ письмѣ своемъ, писанномъ, послѣ перенесенной имъ тяжелой операціи, изъ Крыма (*Мишатки*, сентябрь 1895 г.) къ А. Н. Майкову, онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Меня томить что я ничего не дѣлаю, и что нѣтъ у меня охоты что-нибудь дѣлать. Попробую сегодня же приняться, наконецъ, за *давно задуманную* статью о веществѣ, гдѣ буду доказывать что оно не имѣетъ права считаться источникомъ какихъ-нибудь существъ и дѣйствій, а есть только нѣкоторый порядокъ и условіе, которому подчиняются существа и явленія.“ *

А вотъ и характерное начало (увы, только начало!) этой статьи:

„Наше просвѣщеніе,—пишетъ Н. Н. Страховъ—(разумѣю не одно русское, а и европейское или всемірное), —находится, безъ сомнѣнія, въ очень печальномъ положеніи. Если мы возьмемъ все множество образованныхъ людей и попробуемъ спросить себя, какія опредѣленныя понятія и ученія господствуютъ въ этомъ огромномъ множествѣ, то мы съ изумленіемъ убѣдимся что такихъ понятій и ученій вовсе не существуетъ.

* Письмо это, равно какъ и приводимое дальше начало статьи Н. Н. Страхова о веществѣ, были переданы намъ чрезъ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*, покойнымъ А. Н. Майковымъ.

„Не мало людей сомнѣваются даже въ бытіи Бога, на томъ основаніи что, какъ настаивалъ Бюхнеръ, „въ отдаленнѣйшихъ пространствахъ, куда только проникають телескопы,“ не усмотрѣно ничего доказывающаго это бытіе. Многіе другіе, конечно, никакъ не думаютъ что Бога нужно отыскивать посредствомъ телескопа и употребляютъ для этого другія средства, но также безуспѣшно, почему и остаются въ своемъ сомнѣніи. Они только никакъ не могутъ догадаться что ихъ средства въ этомъ случаѣ ничуть не лучше телескопа, и что не истина не существуетъ, а только намъ неизвѣстенъ путь къ истинѣ.

„Ренанъ часто восхищался современнымъ просвѣщеніемъ потому что оно твердо исповѣдуетъ *незыблемость законовъ природы*. Но, кажется, и признаніе этой скромной истины есть слишкомъ большая честь, которую нельзя приписать нашему вѣку. Много теперь есть людей которые думаютъ, какъ Дюгамель, что „законы міра вещественнаго не имѣютъ въ себѣ ничего необходимаго и могли бы быть совершенно другими чѣмъ они есть“.* А не очень давно мнѣ довелось прочитатъ въ газетахъ, къ не малому моему смущенію, слѣдующее извѣстіе: „Законы природы, эти маяки стараго времени, при болѣе точныхъ средствахъ современнаго познанія рассыпались и оказались несостоятельными. Природа, на повѣрку, мѣняетъ свои законы такъ же какъ и мы грѣшныя, а потому за этими измѣненіями необходимо вѣчно и постоянно слѣдить, какъ за дѣй-

* Duhamel, *Des méthodes*, 4me partie. Par. 1870.

ствіями полководца, съ которымъ боремся.“* Предположимъ, что такого мнѣнія о законахъ природы держится одинъ тотъ кто это сказалъ; но такъ какъ это человекъ несомнѣнно образованный, то отсюда видно, по крайней мѣрѣ, что неизмѣнность законовъ природы, у нѣкоторыхъ образованныхъ людей, ровно ни на чемъ не держится, не имѣетъ основанія, а потому имъ можно и признавать, и откидывать ее, смотря по тому какъ покажется лучше.“

Вотъ и все! Мы видимъ изъ этого отрывка что могучую душу философа до конца дней волновали великіе вопросы: о Богѣ, о законахъ природы, объ основѣ матеріальнаго міра и т. д. Но думъ своихъ онъ до сказать не могъ и развязку своей философской драмы унесъ съ собою.

II.

Итакъ, что же? Что такое, въ концѣ концовъ, эта недосказанная философія Н. Н. Страхова въ цѣломъ и общемъ?

Этотъ вопросъ ставитъ насъ въ одно изъ тѣхъ затруднительныхъ положеній, въ какихъ мы оказываемся всякій разъ когда намъ легче бываетъ сказать о предметѣ *что онъ не есть*, чѣмъ *что онъ есть*. Да, въ самомъ дѣлѣ, философію Н. Н. Страхова легче характеризовать отрицательно чѣмъ положительно: легко сказать *что она не есть*, но очень трудно, съ полною точностью, подвести ее подъ тотъ или другой изъ установленныхъ типовъ философской мысли.

Еще при жизни Н. Н. Страхова, его упрекали иногда и въ нигилизмъ, и въ матеріализмъ. Такъ, никто другой какъ нашъ извѣстный философъ, Вл. С. Соловьевъ, съ непростительнымъ для него недосмотромъ и поверхностностію, сблизалъ философію Страхова съ матеріализмомъ, чѣмъ, конечно, глубоко его опечалилъ:

„Г. Соловьевъ, — говоритъ Н. Н. Страховъ, — называетъ меня матеріа-

листомъ; между тѣмъ все что я писалъ по этому предмету было направлено именно къ выясненію истиннаго понятія о духѣ. Три моихъ книги, — *Миръ какъ уцѣло*, *Объ основныя понятія психологии и физиологии* и *О вѣчныхъ истинахъ*, — можно сказать, все написано на эту тему; въ нихъ я старался о томъ чтобы, установивъ понятіе о веществѣ, о вещественномъ мирѣ, показать полнѣйшую противоположность вещества духу и очистить самое понятіе духа отъ малѣйшей примѣси матеріалистическихъ представленій.“*

По смерти Н. Н. Страхова, даже у наиболѣе осторожныхъ его биографовъ стала замѣчаться навлонность толковать религіозныя основы его философіи и жизни въ какомъ-то „широкомъ“ „философскомъ“, то - есть, по просту, въ пантеистическомъ смыслѣ. Для такого толкованія въ сочиненіяхъ Н. Н. Страхова нѣтъ, однако, ни малѣйшихъ основаній. Не знаемъ, не давалъ ли онъ для этого какихъ-либо основаній въ своихъ устныхъ разъясненіяхъ вопроса, въ своихъ частныхъ бесѣдахъ. Но полагаемъ что, въ виду крайне осторожнаго отношенія философа къ этому великому вопросу, вѣроятно, онъ отвѣтилъ бы такимъ комментаторамъ характерными и поучительными словами своей книги *О вѣчныхъ истинахъ*:

„О Богѣ или слѣдуетъ вовсе молчать, или же, когда говоримъ о Немъ, то, по крайней мѣрѣ, не приписывать Ему ничего злаго и незлаго.“**

Упрекали Н. Н. Страхова и за многое другое. Многократно и многообразно перетолковывали его философію и открывали въ ней различныя, несомнѣстимые съ нею, смыслы:

„Пантеистъ ли онъ, — писалъ, напримеръ, г. Модестовъ (*Новости*, 1887, 20 окт.), — деистъ ли, исповѣдуетъ ли онъ положительную религію, матеріалистъ ли онъ, идеалистъ ли онъ, либераль ли онъ, консерваторъ ли

* *Борьба съ Западомъ*, кн. вторая, изд. 2е. Слб. 1890, стр. 277—8.

** *О вѣчныхъ истинахъ*, стр. 11.

онъ, однимъ словомъ, кто г. Страховъ въ области философіи и политики, для меня оставалось и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ.“

Само собою понятно, что къ подобнымъ заявленіямъ своихъ близорукихъ критиковъ Н. Н. Страховъ не могъ относиться двоякимъ образомъ:

„Какое, по истинѣ, праздное любопытство,—замѣчаетъ онъ въ отвѣтъ на приведенныя строки г. Модестова,—и какое обидное невниманіе! Г. Модестовъ наготовилъ много разныхъ клѣтокъ и занять вопросомъ въ какую меня посадить“!... *

Далеко не одинъ г. Модестовъ, впрочемъ, былъ озабоченъ этимъ. Многіе и очень многіе, люди разныхъ направленій и лагерей, обращались къ Н. Н. Страхову съ требованіемъ чтобъ онъ „выкинулъ свое знамя“:

„Въ этомъ отношеніи,—говоритъ Н. Н. Страховъ,—я даже совершенно несчастный человекъ. О чемъ бы я ни заговорилъ и какъ бы ни старался быть яснымъ и занимательнымъ есть множество читателей которые не хотятъ ничего слушать, нисколько не интересуются моими разсужденіями, а сейчасъ же пристають ко мнѣ: „да кто вы такой, выкиньте ваше знамя“!... Это приводитъ меня въ отчаяніе. Ну, какое имъ дѣло до меня, и почему они не занимаются предметомъ о которомъ я говорю?....

„Скажу откровенно: я вовсе не умѣю выкидывать знамена, вовсе не способенъ къ этому. Да, кромѣ того, я считаю это выкидываніе часто бесполезнымъ, а большею частію вреднымъ дѣломъ. Обыкновенно и тотъ кто поднялъ знамя, и тѣ кто обратили взоръ на это знамя, пускаются въ неистовое словоизліаніе. Обыкновенно прекращается всякая работа мысли, всякій трудъ доказательства и уясненія предмета, а наступаетъ лишь безконечное повтореніе одного и того же, верченье на одномъ и томъ же мѣстѣ. Лю-

ди, которымъ понравилось знамя, чаще всего думаютъ что кромѣ этого сочувствія отъ нихъ ничего больше не требуется, и поднимаютъ крикъ и гамъ, какъ будто въ крикъ все дѣло. И такимъ образомъ мысль, которая могла бы созрѣть и развиться, остается у самого автора на ступени одной краснорѣчивой выходки, а у послѣдователей искажается, истрепливается, опошляется на тысячу ладовъ и, наконецъ, всѣмъ надѣдаетъ. Тогда публика начинаетъ съ тоской посматривать, не выкинулъ ли кто новаго знамени, и снова начинается шумъ, и снова та же исторія безплоднаго броженія мыслей и непомѣрнаго словоизверженія. Такъ идетъ почти все наше литературное и умственное движеніе,—порядокъ печальный и жалкій, которому слѣдуетъ противодействовать всѣми силами.“ *

III.

Итакъ, Н. Н. Страховъ сознательно и намѣренно, какъ говорятъ—*по принципу*, не хотѣлъ выкидывать своего знамени. Вотъ почему онъ такъ настойчиво снималъ со своего философскаго построенія всякіе ярлыки со всевозможными *изъясненіями*, которыми услужливые рецензенты и критики хотѣли окрестить его философію.

Есть, впрочемъ, у него въ этомъ отношеніи одно замѣчательное и весьма характерное исключеніе. Въ одномъ изъ своихъ остроумныхъ и блестящихъ писемъ о спиритизмѣ, онъ, между прочимъ, пишетъ:

„Мой противникъ (Н. П. Вагнеръ) совершенно правъ говоря что я вездѣ ставлю *перегородки*. Въ насмѣшку онъ называетъ мои разсужденія *перегородочною философіей*; но я былъ бы душевно радъ еслибы это живописное названіе навсегда осталось за моею философіей.“ **

Итакъ, *перегородочная философія*,—вотъ названіе которое хотѣлъ бы

* Ibid 279.

* Ibid, стр. 278—280, passim.

** О вѣчныхъ истинахъ, 57.

удержать для своей философии Н. Н. Страховъ! Можно, конечно, быть особаго мнѣнія насчетъ „живописности“ этого названія. Но во всякомъ случаѣ этотъ терминъ точно выражаетъ *формальный характеръ* его философствованія и для читателей Н. Н. Страхова можетъ имѣть важное, такъ-сказать, *предохранительно-дидактическое* значеніе:

„По-моему,—такъ выясняетъ смущенному и какъ бы обиженному за автора читателю смыслъ этого термина Н. Н. Страховъ,—по-моему, нѣтъ ничего хуже путаницы, когда человекъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ что говоритъ и думаетъ, когда овъ свободно носится по всякимъ вѣтрамъ, и въ головѣ его собирается самый пестрый и разнообразный соръ. Нерѣдко это называется просвѣщеніемъ, любознательностію, ученостію, но, въ сущности, это хуже всякаго невѣжества. Въ наше время, столь гордое своими успѣхами въ наукахъ и нравственности, доверчивые люди преспокойно набиваютъ себя всяческими обрывками словъ и мыслей, носящихся вокругъ нихъ; этотъ хаосъ удовлетворяетъ ихъ, насыщаетъ, заглушаетъ въ нихъ потребность яснаго и точнаго пониманія. Вотъ почему никогда не было такого распространеннаго невѣжества, такихъ разнообразныхъ заблужденій, такого паденія умственнаго уровня, такого непрерывнаго круженія на одномъ мѣстѣ, какъ въ наше время. Противъ этого зла существуетъ одно средство: *постараемся мыслить строго, отчетливо, то-есть будемъ строго различать и определять принципы, которыхъ держимся, и методы, которымъ следуемъ.* Другаго спасенія отъ путаницы быть не можетъ.“ *

Да, *въ этомъ смыслѣ*, какъ противовѣсь современному хаотическому смѣшенію разнородныхъ сферъ дѣйствительности и понятій, философію Н. Н. Страхова можно разсматри-

* Ibid, 57—8.

вать и называть именно *перегородочною философіей*. Съ какою, въ самомъ дѣлѣ, отчетливостію проводятся на страницахъ его сочиненій разграничительныя черты между соприкасающимися областями бытія и знанія! Какъ ясно въ нихъ всегда указывается *гдѣ, чего и почему* можно или нельзя ожидать найги! Наконецъ, какъ отчетливо намѣчены въ нихъ *границы* самой науки и съ какою опредѣленностію и твердостію указана на ея задача!

„Наука“, говоритъ Н. Н. Страховъ, — „стремится къ познанію истинно сущаго; но она опредѣляетъ это сущее *только отрицательно*. Она есть постоянное *разоблаченіе* міра, постоянное снятіе съ него формъ и красокъ, въ которыя онъ для насъ облекается или, лучше, мы сами его облекаемъ“. Наука упорно стремится къ этому разоблаченію,—такова самая природа нашей познавательной способности; и тайная цѣль этого стремленія только одна — *сознательно выдѣлать все отрицательное и, следовательно, сознательно стать лицомъ къ лицу предъ положительнымъ сущимъ*. Каждый шагъ науки есть приближеніе къ этой цѣли, и кто понимаетъ этотъ смыслъ научныхъ изслѣдованій, для кого въ нихъ обнаруживается эта ихъ другая, существенная сторона, тотъ за мертвенностію *сухой* науки вездѣ чувствуетъ *теплую струю духовной жизни*. Наука въ своемъ истинномъ видѣ принадлежитъ къ тѣмъ дѣятельностямъ которыя ведутъ человека къ исполненію его назначенія; она не только есть чистое дѣло,—она есть *дѣло святое*.“ *

Трудно найти во всей исторіи научно-философской мысли взглядъ на науку болѣе скромный и въ то же время такъ ее возвышающій! Наука *подводитъ* къ положительной истинѣ, ставитъ своего ученика въ возможность ощутить „теплую струю духовной жизни“. И это, по истинѣ, „святое дѣло“!

* Ibid конецъ книжки.

Наука, по мысли Н. Н. Страхова, учить насъ переходить отъ одной умственной дѣятельности къ другой, отъ низшей къ высшей, и, если мы какъ должно усвоили приемы этой высшей дѣятельности, то, когда мы достигнемъ въ своей жизни точки поворота, когда почувствуемъ потребность перейти отъ *внѣшне - отрицательнаго* опредѣленія сущаго *ко внутрѣнно положительному* его постиженію, — мы убѣдимся что научные интересы и другіе высшіе запросы и потребности души отнюдь не исключаютъ, но напротивъ восполняютъ другъ друга. Эту мысль свою Н. Н. Страховъ поясняетъ хорошимъ примѣромъ:

„Во времена Ньютона, — говоритъ онъ, — славился въ Англіи отличный профессоръ математики, по имени Саундерсонъ, который былъ слѣпъ и не только нечего не видѣлъ, но и не помнилъ свѣта, такъ какъ ослѣпъ когда ему было не больше года отъ рожденія. Между другими предметами, онъ читалъ своимъ слушателямъ также курсъ оптики и мастерски излагалъ всѣ открытія Ньютона въ этой области, — разложеніе бѣлаго луча на цвѣтные, образованіе радуги и т. д.

„Наши научныя изслѣдованія, можно сказать, всѣ подобны астрономическимъ и оптическимъ познаніямъ Саундерсона. Даже больше: для того чтобы споконѣе производить эти изслѣдованія, мы часто нарочно закрываемъ глаза, приводимъ себя въ состояніе слѣпыхъ. Очевидно, когда мы самый свѣтъ рассматриваемъ научнымъ образомъ, мы дѣйствуемъ иначе нежели когда непосредственно воспринимаемъ его зрѣніемъ. Не мудрено, поэтому, что существуютъ слѣпцы со здоровыми глазами, которые упорно стоятъ на томъ что научное разсмотрѣніе одно истинно, и что обыкновенное зрѣніе есть пустая выдумка и фантазія.

„Но ясно также что одно познаніе, по сущности дѣла, не должно мѣшать другому; что, закрывая по

временамъ глаза, мы не только не имѣемъ нужды отказываться навсегда отъ зрѣнія, а напротивъ, только въ живомъ воспріятіи свѣта можемъ найти полное удовлетвореніе своей жажды созерцанія. Саундерсонъ, при всѣхъ своихъ познаніяхъ, дѣйствительно не зналъ самаго важнаго, — онъ не имѣлъ и чаянія о томъ просторѣ и разнообразіи, о той лучезарности и красотѣ по которымъ мы нашъ вещественный міръ называемъ *міромъ Божіимъ*.

„Слѣдуетъ приложить это самое различіе и къ другимъ нашимъ умственнымъ занятіямъ. Мы можемъ долго и усердно заниматься исторіей, философіей, религіей, но такъ что наши познанія, будучи совершенно основательными, будутъ, однако, походить, по своему внутреннему значенію, на оптическія познанія Саундерсона. Но горе намъ если мы вообразимъ что это — единственное истинное познаніе, и что мы будемъ тѣмъ мудрѣе чѣмъ крѣпче будемъ закрывать наши глаза. Для полнаго повиновенія нужно открыть глаза, нужно отогнать отъ себя все мѣшающее простому, прямому зрѣнію, и тогда мы увидимъ то чего не узнаютъ никогда самые ученые Саундерсоны и что бываетъ доступно самымъ простымъ людямъ, — увидимъ душу явленной, ихъ глубокую жизнь и силу, — и можетъ-быть услышимъ что и въ иныхъ нашихъ книгахъ, казавшихся мертвыми, *кричитъ каждая буква*, какъ выразился Гоголь.“ *

Здѣсь ясно указанъ полюсъ свѣтленія всей мысли философа.

IV.

Есть нѣчто сократовское въ философствованіи Н. Н. Страхова. Онъ всегда, прежде всего и больше всего, занятъ установкой вопроса. Опровергая ложныя мнѣнія, отклоняя мысль съ ложныхъ путей, онъ указываетъ тѣмъ самымъ путь истин-

* О *вѣчныхъ истинахъ*, предисловіе XXXVI—VII.

ный, такъ сказать подводить къ истинѣ, ставить въ надлежащую перспективу, а самъ отходить въ сторону и какъ бы говорить: „смотри, *разсужденіе* кончилось, и началось ощущеніе, *видѣніе*,—мы вступили въ царство живыхъ и конкретныхъ идеаловъ красоты, блага и святости“... * Пріемъ, какъ видимъ, совершенно сократовскій.

Значитъ и у Н. Н. Страхова, какъ у Сократа, все дѣло *въ методахъ и задачахъ* философіи, а не *въ системѣ*? Значитъ, и онъ не создалъ системы?

Увы! И онъ не создалъ системы. Но это лишь отчасти зависѣло отъ него самого.

Философы, какъ и обыкновенные смертные, различаются между собой темпераментами и характерами. Есть философы которые, кажется, уже самою природой своею предназначены — одни преимущественно къ эмпиризму, другіе къ идеализму. Есть философы отъ природы синтетички и аналитички. Н. Н. Страховъ былъ очень сильный аналитикъ, но лишь второстепенный синтетикъ. Во всякомъ случаѣ синтетическая, постройительная, конструктивная сторона его таланта занимала подчиненное мѣсто и имѣла въ его философскихъ работахъ лишь второстепенное значеніе. Это воиервыхъ.

Воиервыхъ, какъ извѣстно, Н. Н. Страховъ стоялъ, особенно въ началѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ германской философіи и, можетъ-быть, не столько подъ вліяніемъ Гегеля, какъ это принято думать и говорить, сколько подъ вліяніемъ Фихте и Канта съ его ученіемъ о „*ноуменахъ*“. Вотъ почему его настойчивое исканіе „*внутренняго выхода*“ (черезъ внутренній опытъ, а не черезъ внѣшнюю эмпирію) за предѣлы ра-

* Эта сторона дѣла, то-есть господство въ философіи Н. Н. Страхова надъ разсудочнымъ элементомъ, надъ „раціонализмомъ“, живыхъ и конкретныхъ идеаловъ добра, красоты и святости хорошо освѣщена въ талантливо и горячо написанной брошюрѣ Б. В. Никольскаго: *Н. Н. Страховъ, критико біографическій очеркъ*. Спб., 1896.

ціонализма, по самому существу дѣла, не могло увѣнчаться *полнымъ* успѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь душа для него, какъ это вѣрно замѣчалъ еще покойный П. Е. Астафьевъ, * есть *ноуменъ*,—*непостижимая и непознаваемая* сущность: какого же свѣта можно искать въ этой тьмѣ непознаваемаго? Во всякомъ случаѣ, если здѣсь и есть свѣтъ, то, по силѣ только-что указаннаго предположенія, онъ необходимо долженъ быть настолько слабъ что его недостаточно для озаренія міроваго дѣлага. А безъ этого какъ возможно построеніе законченной системы?..

Наконецъ, втретьихъ,—и это, быть-можетъ, самое главное,—философія Н. Н. Страхова, какъ, впрочемъ, и вся наша русская философія, есть, такъ сказать, *философія боевая*, и не случайно, конечно, однимъ изъ девизовъ своихъ онъ призналъ борьбу („*Борьба съ Западомъ*“). Увы! Мы все еще такъ юны и наивны, такъ незрѣлы и обидчивы что во всякомъ, кто не идетъ съ нами, мы склонны видѣть врага идущаго противъ насъ, посягающаго на нашу мысль, на нашу свободу. Мы объявляемъ ему войну и,—что особенно печально,—именно *ему*, а не принципамъ, не теоріямъ которыя онъ развиваетъ и которыя намъ не нравятся. И вотъ всякій кто беретъ у насъ смѣлость имѣть свое сужденіе становится мишенью личныхъ нападеній и преслѣдованій. Ему уже не до созданія своей системы,—нѣтъ, ему врьдъ отбиваться отъ преслѣдованій и защищаться отъ плевковъ и комковъ грязи.

Не избѣжалъ этой злой судьбы и Н. Н. Страховъ. „Что наша литература есть литература фанатическая,—пишетъ онъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. У насъ возможны и имѣютъ ходъ, почти исключительно, только всякія вѣры и ненависти, всякія идолопоклонства и заталпыванія въ грязь, всякіе свисты и бого-

* *Вѣра и значеніе въ единствѣ міровоззрѣніе*, М. 1893, стр. 143—4.

творенія. Вашъ покорный слуга тѣмъ больше имѣетъ право это говорить что самъ принадлежитъ къ числу за-топтанныхъ въ грязь: фактъ уже явленъ тѣми кого можно считать въ этихъ дѣлахъ вполне свѣдущими. Въ *Биржевыхъ Вѣдостяхъ* 1874 года, отъ 27 ноября, г. Михайловскій, на половину съ торжествомъ, на половину съ сожалѣніемъ, говоритъ: „мы втоптали въ грязь г. Страхова, человѣка“ и пр. Пожалуйста не подумайте что я принимаю все это происшествіе въ шутку; старанія этихъ мы не всегда оставались базусишными“... *

Это было въ 1874 году. А потомъ? Потомъ выступили гг. Модестовы и Соловьевы со своими безапелляціонными приговорами о материализмѣ и пантеизмѣ Страхова, и наконецъ этотъ изумительный литературный бой съ Н. Н. Страховымъ г. Тимирязева изъ-за книгъ покойнаго Данилевскаго.

Бой былъ далеко не равенъ,—не по силамъ, однако, а по положенію. Н. Н. Страховъ выступилъ съ открытою грудью, на которой зіяла еще незатянувшаяся рана, оставленная недавно смертью его друга и единомышленника. Казалось, онъ могъ разчитывать, по крайней мѣрѣ, на то что не стануть беречь его больное мѣсто и отнесутся осторожно и участливо къ его положенію,—разсмотрятъ и взвѣсятъ аргументы, но оставятъ въ сторонѣ личности. Такъ вѣтъ же! Съ вѣрнымъ, конечно, но и съ жестокимъ психологическимъ расчетомъ противникъ сталъ наносить удары именно по больному мѣсту; посыпался градъ личныхъ укоризнъ по адресу не только самого Страхова, но и его умершаго друга.

Самъ г. Тимирязевъ созналъ, наконецъ, это неравенство положеній. Заканчивая свою вторую полемическую статью, онъ, между прочимъ, написалъ (съ разными оговорками и ограниченіями, конечно), слѣдующее:

* О *Вѣчн. Истин.*, стр. 13.

„Дойдя до послѣдней, такъ тепло и симпатично вылившейся изъ - подъ его (Н. Н. Страхова) пера, страницы, посвященной памяти недавно умершаго друга, я почувствовалъ нечто въ родѣ глупаго раскаянія или укора совѣсти. Тутъ только я понялъ (!), что мой бой съ г. Страховымъ не равный.

— Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ покойный Данилевскій? Только имя подписанное подъ извѣстнымъ рядомъ печатныхъ страницъ. Для г. же Страхова это была живая, привлекательная дорогая ему личность... Каждое мое обличеніе бьетъ г. Страхова прямо въ сердце, а эти раны не такъ легко переносятся. Да, бой былъ не равный“... *

И вотъ мы спрашиваемъ: когда васъ бьютъ прямо въ сердце и по больному мѣсту наносятъ новыя, еще болѣе тяжкія раны, — можете-ли вы тогда писать системы? А вѣдь Н. Н. Страхову, какъ мы знаемъ, приходилось выдерживать такіе натиски и нападенія почти за все время его литературно-философской дѣятельности.

Увы! Видно, нашъ чередъ создавать системы еще не наступилъ! Да и Богъ знаетъ когда, при такихъ условіяхъ нашей умственной жизни, онъ наступитъ?

Тихо и безшумно сошелъ съ исторической сцены Н. Н. Страховъ, едвали очень успокоенный относительно будущности нашего просвѣщенія и нашей культуры. Но въ научной жизни, какъ и въ жизни религіозной, существуетъ свой прозелитизмъ. Духъ возвышеннаго идеализма и строгой научности, почивавшій на Н. Н. Страховѣ, безъ сомнѣнія, перейдетъ на его учениковъ и послѣдователей, и, связанные памятью о своемъ вдохновителѣ и руководителѣ, они, быть-можетъ, сослужатъ еще не одну службу нашему просвѣщенію.

* К. Тимирязевъ: *Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе*, съ прилож.: „наши антидарвинисты“. М. 1894. стр. 404.

Будемъ ждать и надѣяться! Но пока... пока всѣми знавшими Н. Н. Страхова, хотя бы даже только по его сочиненіямъ, живо и болѣзненно ощущается пустота, обусловленная удаленіемъ со сцены этого выдающагося, просвѣщеннѣйшаго и по истинѣ *передоваго* русскаго человѣка.

Цѣлую сторону моей умственной жизни,—свидѣтельствовалъ нашъ маститый поэтъ А. Н. Майковъ (въ частномъ письмѣ),—унесъ съ собою

Страховъ! И сторона эта не зарубцевалась и не восполнилась“...

Увы,—не восполнилась! Тревожный взглядъ напрасно ищетъ вокругъ человѣка который бы съ такимъ же поучительнымъ мужествомъ несъ предъ нами, предъ нашимъ больнымъ и извѣрившимся въ себѣ вѣкомъ, знамя высокаго философскаго идеализма, очищеннаго и просвѣтленнаго православно-русскаго сознаніемъ...